

Э. Н. Берендтс

**Лекции по
административному праву
Великого Княжества
Финляндского**

Том 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 34
ББК 67
Б48

Б48 **Берендтс Э.Н.**
Лекции по административному праву Великого Княжества Финляндского: Том
1 / Э. Н. Берендтс – М.: Книга по Требованию, 2013. – 312 с.

ISBN 978-5-518-05900-9

ISBN 978-5-518-05900-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Введеніе.

Не смотря на внѣшнее сходство и однообразіе жизни въ городахъ и селахъ Финляндіи, внимательный наблюдатель и въ настоящее время замѣчаетъ оттѣнки различія въ національной культурѣ западной и восточной Финляндіи. Это различіе имѣетъ корни въ глубокой древности. Археологическія данныя (находки оружія и домашней утвари) свидѣтельствуютъ о томъ, что уже въ доисторическое время развитіе западной и восточной Финляндіи шло не одинаковымъ путемъ, не подъ вліяніемъ тождественныхъ факторовъ и не съ одинаковой скоростью. До V вѣка по Р. Х. западная Финляндія подчинялась исключительно культурному вліянію Скандинавіи; восточная Финляндія стояла въ тѣсной культурной связи съ славянскимъ востокомъ и югомъ, поддаваясь несомнѣнно вліянію сосѣднихъ славянскихъ племенъ. Дальнѣйшія археологическія находки доказываютъ, что въ эпоху т. н. младшаго желѣзнаго вѣка (V—X ст. по Р. Х.)—восточная культура проникаетъ въ глубь Финляндіи, оттѣсняя скандинавскія стихіи къ берегамъ Ботническаго и Финскаго заливовъ. То была эпоха укорененія сѣверныхъ славянъ въ современной великорусской полосѣ и сліянія финскихъ племенъ въ верховьяхъ Волги и ея притоковъ съ надвигавшимися съ юга славянами-колонизаторами.

Съ X-го вѣка западная Финляндія снова подпадаетъ подъ вліяніе Скандинавіи. Походы Викинговъ (съ начала VIII вѣка) подготовили почву для поступательнаго движенія скандинавскихъ культурныхъ началъ. Междоусобная рознь славянскихъ племенъ и ихъ борьба съ восточными и южными сосѣдями (болгарами, хозарами и др.) облегчили вытѣсненіе славянскаго вліянія изъ предѣловъ нынѣшней Финляндіи.

Только крайній востокъ (Корелія) продолжала тяготѣть къ славянскому рубежу, какъ въ политическомъ, такъ и въ религіозномъ отношеніи.

О двойственномъ воздѣйствіи западныхъ (скандинавскихъ) и восточныхъ (славянскихъ) началъ свидѣтельствуетъ и національный эпосъ финновъ (Kalevala).

Племена, нынѣ обитающія Финляндіи, принадлежатъ къ западно-финскимъ отраслямъ монгольской расы. Они перешли изъ первоначальныхъ своихъ обиталищъ, въ средней Россіи, прежде всего къ берегамъ Западной Двины. Въ эпоху великаго переселенія народовъ они были отброшены на сѣверъ и, тѣснимые съ юга, вторгнулись въ Финляндію 3 группами: 1) Финны въ узкомъ смыслѣ слова заняли нынѣшнюю юго-западную Финляндію; 2) Тавасты заняли среднюю Финляндію, на западъ отъ рѣки Кюммене; 3) Корелы заняли восточную Финляндію. (Часть кореловъ поселилась въ нынѣшней Олонецкой губерніи, небольшая группа удержалась въ Бѣжецкомъ уѣздѣ Тверской губерніи, въ т. н. Тверской Кореліи). Различныя мелкія финскія племена западной отрасли осли въ Ингерманландіи, Эсты въ нынѣшней Эстляндіи и въ сѣверной части Лифляндіи. Финны, Тавасты и Корелы вытѣснили коренное населеніе Финляндіи—лапландцевъ (Saame). Независимо отъ этого съ юга и юго-востока идущаго заселенія,—шла финская колонизація съ сѣверо-востока. Сѣверъ Финляндіи былъ заселенъ, по преданію, двумя финскими племенами: Квенами и Біармами. Выходцы изъ сказочной, богатой торговлей Біарміи сохранили и далѣе связь съ отчизной. Искони обычная въ Финляндіи разносная торговля коробейниковъ („архангелитовъ“) есть какъ бы переживаніе древняго торговаго движенія Біармовъ къ Ботническому заливу.

Свидѣтельства о первичной культурѣ финновъ-пришельцевъ въ Финляндіи очень скудны. Знаменитыя народныя былины Калевалы, собранныя Эліасомъ Ленротомъ въ Кореліи, даютъ богатый матеріалъ для лингвистическихъ изслѣдованій, но юристъ мало почерпнетъ изъ этого творенія народнаго поэтическаго духа. Финны на зарѣ историческаго періода несомнѣнно не были болѣе дикарями безъ всякихъ слѣдовъ общественной организаціи, но точныхъ данныхъ объ ихъ національной общественной организаціи и правовомъ строѣ мы не имѣемъ. Въ качествѣ доказательства, что финны до шведскаго завоеванія имѣли свой особый правовой строй, нѣкоторые историки права и культуры въ Финляндіи

указываютъ на то, что финскій языкъ имѣетъ свои особенныя слова для выраженія понятій: „вѣче“ (ting по шведски, а по фински—Käräjä) и „округъ“ (härad по шведски, а по фински Kihla Kunta). Историкъ Ирѣе-Коскиненъ указываетъ на то, что древніе финны были знакомы съ понятіями законъ, право. Это понятіе обозначалось словомъ „sunta“; судья назывался—suntia. Это же названіе присвоено было и вообще должностнымъ лицамъ общинъ. Налоги назывались vero (не отъ славянскаго ли слова „вира“?) Что слова: sunta и suntia также, вѣроятно, славянскаго происхожденія, допускаетъ Ирѣе-Коскиненъ. Но эти доказательства далеко не достаточны. Какъ объяснилъ Лилиенстрандъ (въ статьѣ: „О древности Гельсингскаго уложенія и его значенія въ судопроизводствѣ Финляндіи въ древнѣйшія времена“)¹⁾, слово „Käräjä“ доказываетъ только одно, что древніе финны несомнѣнно знали общественныя собранія, вѣча, для совершенія религіозныхъ обрядовъ, а также для обсужденія общихъ дѣлъ. На эти собранія являлись представители одного рода, или представители сосѣднихъ родовъ, или наконецъ, и представители племени. Но отъ такихъ періодическихъ собраний еще далеко до прочнаго общественнаго строя съ правильнымъ судоговореніемъ и положительными законами. Слово „kihlakunta“ указывало бы на таковую прочную организацію, если бы мы могли быть увѣрены, что оно чисто финскаго происхожденія, а не воспринято изъ древняго шведскаго языка.

Въ болѣе древнихъ актахъ оно передается шведскимъ словомъ „gisslslag“ (округъ, ставившій заложниковъ). Весьма вѣроятно, что шведскіе завоеватели формировали изъ разрозненныхъ родовъ, частей племени или даже отдѣльныхъ поселковъ — мелкіе союзы, коллективныя единицы, связанныя круговой порукой за исполненіе повинностей въ пользу завоевателей и обезпечивавшія свою поруку — поставкою заложниковъ. Эти коллективныя тягловыя

¹⁾ А. Lilienstrand. „Om Helsingelagens alder och betydelse för lagskipningen Finland under äldsta tider“ Juridiska Föreningens i Finland tidskrift II. 1866. Впрочемъ, мнѣніе финскихъ историковъ, что „килекунда“ можетъ означать извѣстное территориальное дѣленіе, существовавшее у финновъ въ до-шведскую эпоху, не столь безосновательно, какъ полагаетъ Лилиенстрандъ, ибо у эстовъ, по свидѣтельству извѣстнаго средневѣковаго историка-хрониста Гейнриха Латышскаго упомянуто также дѣленіе территории на „килекунда“. Ср. Heinrich v. Lettland. Livländische Chronik, übersetzt und erläutert v. H. Pabst. Reval 1867. (XXIX, XXVIII, 2; XVIII, 5).

единицы и носили название gisslalag (gisslakunta, Kihlakunta;— Kunta, Kontoja, ответственные округа). Часть западной Финляндии носила название Satakunta, Сатакунта, земля 100 союзовъ. Некоторые ученые указывали также на множество финских народных пословицъ, выражающихъ нормы обычного нрава. Но если эти пословицы могутъ служить отличнымъ матеріаломъ для изслѣдованія народно-правовыхъ воззрѣній, то едва ли изъ нихъ можно дѣлать выводы относительно социальна-правового строя древнѣйшей Финляндии. Та ступень общей культуры, на которой находились финны до шведскаго завоеванія, сама по себѣ исключаетъ возможность болѣе развитой общественной организаци и правопорядка. Охота, рыбная ловля были главными промыслами и источниками пропитанія древнихъ финновъ еще въ XII столѣтіи. Земледѣліе несомнѣнно было имъ извѣстно, но оно имѣло дикую форму подсѣчнаго хозяйства, опустошавшаго 1 квадратную милю ради одного скуднаго урожая. Населеніе было рѣдкое; финскія семьи были разсѣяны по громадному пространству и сношенія ихъ были рѣдки и исключительны. При такихъ условіяхъ не было нужды въ развитомъ правѣ.—Инстинктивныя элементарныя понятія о „моемъ“ и „твоемъ“, о правдѣ и неправдѣ удовлетворяли всѣмъ требованіямъ несложной жизни.

Съ XI столѣтія для Финляндии начинается исторія. Западное скандинавское колонизаціонное движеніе сгущается; движеніе шведовъ въ Финляндію приводитъ ихъ къ столкновенію съ Новгородомъ, старавшимся отстоять восточную Финляндію. Въ теченіе столѣтія чередуются мелкіе походы шведовъ и новгородцевъ, опирающихся на междоусобную войну западныхъ финновъ съ восточными. Существуетъ преданіе, что уже въ 1006 г. норвежскій король Олафъ покорилъ часть Финляндии и властвовалъ въ ней. Въ 1156—1157 шведскій король Эрикъ Святой предпринялъ крестовый походъ противъ финновъ. Его сподвижникъ, епископъ Генрихъ, старался укоренить христіанскую вѣру въ Финляндіи. Одинъ изъ преемниковъ этого перваго финскаго святителя, епископъ Тома, задумалъ создать изъ Финляндии особое духовное царство, подчиненное непосредственно папѣ римскому, подобно государству, основанному рыцарскими орденами: Тевтонскимъ, въ Восточной Пруссіи, и Меченосцами въ Лифляндіи. Въ посланіи 1229 г. Папа далъ свое благословеніе на учрежденіе монастырей и основаніе церквей въ „Остраландіи“ (Финляндіи). Но завоеваніе шведовъ было весьма шаткое, финны сопротивлялись шведамъ и

католическому христіанству. Въ союзѣ съ новгородцами Тавасты и Корелы грозили отбросить пришельцевъ обратно въ Швецію. Въ 1230 г. и въ 1274, Папа провозгласилъ крестовый походъ противъ финскихъ язычниковъ. До 1323 г., т. е. до заключеніи Нотеборгскаго (Орѣшковскаго) мирнаго Трактата между Новгородомъ и Швеціей, Финляндія была непрерывно ареной не прекращавшихся войнъ, и потребности военной жизни не дали возможности удовлетворить нуждамъ мирной гражданской жизни. Вся социальная организація, а посему и административный строй, Финляндіи до половины XIV ст. были непрочными, неустановившимися. Финляндія управлялась одновременно: (и конечно не безъ внутреннихъ раздоровъ) Абоскимъ епископомъ, военными начальниками въ замкахъ, построенныхъ королями, или, вѣрнѣе полновластными ихъ *maior domus*'ами и маршалами (вродѣ Биргера Ярла, основателя Тавастгусскаго замка, Кроноборга, или Тюргиля Кнутсона, основателя замка въ Выборгѣ и крѣпости Ландскрона на мѣстѣ нынѣшняго С.-Петербурга, на лѣвомъ берегу Невы), и, въ третьихъ, компаніей шведскихъ купцовъ (т. н. Биркарлы), взявшей на откупъ сборъ податей съ полудикихъ еще сѣверныхъ финновъ и лапландцевъ. Замѣтимъ здѣсь же, что въ первые 2 вѣка послѣ шведскаго завоеванія Финляндія не была равноправной въ средѣ другихъ областей Швеціи частію шведскаго государства; ни въ избраніи королей, ни въ совѣщаніяхъ общаго народнаго вѣча въ Упсалѣ финны не участвовали. На подвластное финское населеніе шведы смотрѣли исключительно какъ на поработанный народъ, какъ на источникъ фискальнаго дохода, какъ на удобный матеріалъ для пополненія шведскаго народнаго войска. Шведскіе же колонисты, какъ искони осѣвшіе на южномъ побережьи Финляндіи, такъ и послѣдовавшіе за епископами, священниками, монахами и военачальниками, въ XII—XIII ст. жили совершенно особнякомъ отъ финновъ, подъ охраной своего отечественнаго обычнаго права (преимущественно права, укоренившагося въ двухъ областяхъ средней Швеціи, „Свитіода“, въ Упландіи и Гельсингеландіи). Что касается финновъ, какъ западныхъ, такъ и восточныхъ, то имъ было предоставлено жить подъ сѣнью ихъ собственныхъ мѣстныхъ юридическихъ обычаевъ. Но каковы были эти обычаи, какова была вообще общественная организація аборигеновъ края въ эпоху XII—XIV вѣковъ, на этотъ вопросъ мы можемъ отвѣтить опять таки только молчаніемъ ¹⁾. Древній національный

¹⁾ Въ средневѣковыхъ грамотахъ и податныхъ реестрахъ встрѣчаются тер-

эпосъ „Калевала“, который въ первой половинѣ XIX ст. т. ск. вновь подаренъ культурному міру благодаря неутомимыхъ трудовъ Ленрота, и объясненію котораго содѣйствовали изслѣдованія Шегрена, Кастрѣна и Альквиста, доказываетъ намъ только одно, что культура финновъ въ Финляндіи стояла выше культуры ихъ единоплеменниковъ на верховьяхъ Волги, Сѣверной Двины-Оки, Камы, т. е. тѣхъ отчасти нынѣ вымершихъ, отчасти вымирающихъ народцевъ Мери, Веси, Мордвы, Вогоуловъ, Вотяковъ; которые или пали въ вѣковой борьбѣ съ славянскими колонизаторами, или слились съ ними въ одно цѣлое, образовавъ при подавляющемъ воздѣйствіи славянской расы—великорусское племя средней и сѣверной Россіи.

Нотеборгскій трактатъ 1323 г. упрочилъ господство Швеціи въ Финляндіи. Ослабленная татарскимъ игомъ и внутренними раздорами удѣльно-вѣчевой системы Русь, если и не отказалась навсегда отъ своихъ притязаній на сосѣдную Финляндію,—то, по крайней мѣрѣ, отсрочила предъявленіе ихъ на столѣтія. Со второй половины XIV столѣтія можно говорить про господство въ Финляндіи христіанской культуры въ шведскомъ обликѣ, про господство скандинавскаго права въ шведской его видовой формѣ, про господство шведской системы управленія и про шведскій строй судоустройства и судопроизводства. Но то не была древнѣйшая шведская соціальная организація, древнѣйшее первичное шведское право и первичный демократическій политическій строй Швеціи, который водрузилъ свое знамя на Финляндскихъ скалахъ. Въ промежутокъ времени между появленіемъ въ финляндіи первыхъ миссіонеровъ Эрика Святого и его сподвижника, святого епископа Гейнриха, и заключеніемъ Нотеборгскаго трактата, Швеція пережила политическій процессъ, основная тенденція котораго была враждебна демократическимъ началамъ ея коренного соціально-политическаго быта. Эти начала не погибли. Они все сызнова выступали наружу и подъ конецъ пробили себѣ путь сквозь гущу чужихъ зарослей, но эти чужіе наросты все таки лишили ихъ доброй части силы. Колонизація и культивированіе Финляндіи

мины: въ такихъ то мѣстностяхъ примѣняется *jus carelicum*, *jus finnicum*, *jus helsingonicum*, *jus suevicum*.—Эти выраженія могутъ ввести въ заблужденіе. Можно думать, что они означаютъ какіе либо различные мѣстные законы, мѣстное обычное право различныхъ областей. Однако, по тщательному изслѣдованію, сіи термины означаютъ лишь различные способы раскладки податей и повинностей, (ср. Fontell Omsvenska och finska Rätten 1883).

совершилось, что и естественно, болѣе подъ руководствомъ тѣхъ началъ, которыя укоренились въ господствовавшихъ высшихъ слояхъ народа, нежели тѣхъ, кои таились въ глубинѣ народнаго сельскаго быта. Къ ползвинѣ XIV столѣтія въ Швеціи начало *сословнаго обособленія* уже успѣло *разрушить единство народа*. Народные выборные органы законодательства, упраздненія и суда (лагманы и вѣче) уже потеряли свое первенствующее значеніе; королевская администрація заслонила „земщину“ (употребляя слово нашего древняго права). Аристократическіе законодательные и законсовѣщательные органы: господскіе съѣзды (herredagar) и королевскій или государственный совѣтъ („Konungens råd или rikens råd“) отстранили общее Упландское вѣче (Allshaerjating) и ограничили значеніе вѣчъ областныхъ. Республиканскій строй древней католической церкви, принаровившій ее къ народному быту, уступилъ требованіямъ олигархическимъ и даже монархическимъ, предъявляемымъ епископами и папскимъ престоломъ. Все возраставшее значеніе рыцарской конницы съ ея дорого стоящимъ вооруженіемъ и сословнымъ корпораціоннымъ духомъ умалило значеніе пѣшаго народнаго крестьянскаго войска и морского сполченія. Появленіе городовъ и ихъ связь съ могущественной ганзой дали поводъ къ ограниченію экономической свободы при сбытѣ и обмѣнѣ результатовъ народнаго труда, — установленіемъ привилегій въ пользу городскихъ торговцевъ и ремесленниковъ. Рядъ внѣшнихъ и внутреннихъ междоусобныхъ войнъ поразилъ множество семействъ въ ихъ хозяйственномъ благосостояніи и содѣйствовалъ появленію безземельныхъ съемщиковъ земли и неимѣющихъ крова батраковъ и бобылей. Потребность государства въ увеличенномъ количествѣ личныхъ и матеріальныхъ силъ управленія дала поводъ къ образованію чиновнаго люда, который при господствовавшемъ натуральномъ хозяйствѣ кормился отъ отведенныхъ ему земель, угодій и помѣстій, вводя въ систему землевладѣнія новый, посторонній и не безопасный для верховной власти элементъ. Наконецъ, та же потребность расширяющагося въ своихъ задачахъ управленія повлекла за собой увеличеніе податнаго бремени и строя натуральныхъ повинностей. Однимъ словомъ, XIV вѣкъ далъ Финляндіи общественную организацію, сохранившую отчасти основы древняго скандинавскаго демократическаго быта, но съ значительной примѣсью феодальныхъ началъ и съ возрастающимъ господствомъ элементовъ военно-чиновныхъ, приказныхъ. На этой подкладкѣ XIV столѣтія выросъ и развился

общественный строй Финляндіи до нашихъ дней. Лишь XIX столѣтіе ликвидировало это наслѣдство. Но въ финляндскомъ правѣ мы все еще встрѣчаемся съ понятіями и терминами, унаслѣдованными отъ глубокой древности. Донынѣ живы въ Финляндіи: шведское право и воспитанныя на немъ шведскія правовыя понятія и воззрѣнія. Шведская система судоустройства и судопроизводства охраняетъ это право; шведская система управленія приводитъ его въ исполненіе. А посему мы должны ознакомиться: 1) съ исторіей главныхъ источниковъ этого права, 2) съ основными чертами развитія общественнаго строя Финляндіи съ XIV по XIX вѣкъ, 3) съ дѣленіемъ территоріи Финляндіи, являющейся пространственной рамкой, въ которой группируются эти бытовыя картины, и 4) съ развитіемъ организаціи управленія и основными началами управленія, которое то старалось навязать народной жизни направленіе, цѣли и задачи, то безпомощно уступая давленію естественныхъ потребностей, само подчинялось дѣйствію стихійныхъ силъ, которыя рано или поздно всегда пробиваютъ себѣ путь сквозь искусственныя строенія человѣческой мысли, какъ бы издѣваясь надъ тщетными начинаніями тѣхъ, кто сквозь призму предвзятыхъ административныхъ воззрѣній смотритъ на требованія природы и исторіи.

ГЛАВА I.

Источники шведско-финляндскаго права.

Источниками права въ Швеціи и Финляндіи, какъ повсюду, являются: 1) обычай (*sedvänja*) и 2) законъ (*lag* *).

*) Обзоръ источниковъ составленъ преимущественно по слѣдующимъ пособиямъ:
а) Предисловія къ отдѣльнымъ томамъ сборника *Шлитера и Коллина* „*Coprus juris suevogotorum antiqui*“ 1827—1869. Древнія городскія и земскія уложенія Швеціи изданы Шлитеромъ—Коллиномъ въ 12 томахъ. Каждому тому предпослано предисловіе съ объясненіями и указаніями различныхъ рукописей и изданій. XIII-й томъ содержитъ въ себѣ общій глоссарій къ памятникамъ, изданнымъ въ первыхъ XII томахъ. б) *Монгомери*. Руководство къ общей части гражданскаго права Финляндіи (*Handbok i Finlands allmänna Privaträtt*. Hfs. 1889). в) *Германсонъ*. Записки по лекціямъ проф. Германсона объ отечественномъ административномъ правѣ, изд. Нюквиста 1898 (*Anteckningar enligt Professor R. F. Hermansons föreläsningar öfver inhemsk Förvaltningsrätt, med tillstånd af Föreläsaren utgifna af Hj. Nyqvist* Hfs. 1898). г) *Ф. Л. Шауманъ*. Руководство къ церковному праву Финляндіи 1853. (F. L. Schaumann. *Handbok i Finlands Kyrkorätt*. Hfs. 1853). д) *Beauchet*. La Loi de Westrogothie. Paris. 1894. Въ очень интересномъ обширномъ введеніи помѣщенъ обстоятельный обзоръ древнихъ уложеній Швеціи. е) *K. Maurer*: статья въ Энциклопедии права Гольцендорфа (*Holtzendorff: Encyklopädie für Rechtswissenschaft*. Отдѣлъ: *Nordgermanische Rechtsquellen*). ж) *А. Лилиенстрандъ*. Сѣверные уставы о строеніи, ихъ строй въ органическомъ развитіи. Hfs. 1881 (Axel Lilienstrand. *De nordiska Byggnings Balkarne, deras Rättsordning i organisk utveckling*. з) *Шлитеръ*. О древнѣйшемъ областномъ дѣленіи Швеціи и о появленіи земскихъ уложеній 1835. (Schlyter. *Om Sveriges äldsta indelning i landskap och landskapslagarnes uppkomst*. Upsala 1835). и) *Нордстремъ*. Опытъ изслѣдованія исторіи развитія шведскаго общественнаго строя (*Bidrag till det svenska Samhällsförtattnings historia af I. I. Nordström* Ups. 1839). к) *І. Ф. Пальмень*. Къ историко-юридическому толкованію уложенія 1734 г. (I. Ph. Palmén. *Bättshistoriska Bidrag till tolkning af 1734 års lag*). л) см. указанное выше (въ введеніи) сочиненіе А. Лилиенстранда о Гельсингеландскомъ уложеніи.

Словами: *обычай* (*sedvänja*) или *правовой обычай* (*rättsed*), или *мѣстный обычай* (*landssed*) мы обозначаемъ источникъ такой правовой нормы, которая получаетъ силу и примѣняется непосредственно, какъ выраженіе прочно установившагося правовоззрѣнія какого либо народа или какой либо части народа, живущей подъ дѣйствіемъ какихъ либо особыхъ жизненныхъ условий и въ предѣлахъ какой либо части территоріи.

Обычай, какъ извѣстно, первичный источникъ права, онъ предшествуетъ закону; законъ изъ него вырастаетъ.

Обычай двоякимъ образомъ регулируетъ общественную жизнь народа. Онъ или служитъ непосредственнымъ источникомъ правовыхъ нормъ, коими юридически регулируются бытовые отношенія. Обычай въ этомъ узкомъ смыслѣ слова называется въ шведской юриспруденціи — *sedvänja*. Или же мы имѣемъ дѣло съ бытовыми отношеніями, которыя, существуя въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени, принимаютъ постепенно характеръ правовыхъ отношеній и вызываютъ къ жизни права и обязанности, или упраздняютъ, или измѣняютъ ихъ. Въ таковыхъ случаяхъ шведская юриспруденція говоритъ про: „*håfid*“, давность („пошлину“, употребляя терминъ древняго русскаго права). Различіе между давностью и обычаемъ шведскіе юристы усматриваютъ въ томъ, что первая относится лишь къ опредѣленнымъ правоотношеніямъ (*rättsförhållande*), обычай же, подобно закону, есть источникъ отвлеченныхъ нормъ, правоположеній (*rättsats*).

Шведскіе законовѣды гордятся тѣмъ, что историческое развитіе ихъ отечественнаго права не знаетъ скачковъ и переломовъ, что оно шло преемственно, послѣдовательно. Жизненные условия родины были главнымъ факторомъ развитія; иноземныя правовоззрѣнія лишь поздно коснулись шведскаго права, и чужія правовыя теоріи не заглушили народнаго правотворчества. „Едва ли найдется народъ“, говоритъ выдающійся финляндскій юристъ Монгомери, „исторія правъ котораго содержитъ въ себѣ болѣе точныя, убѣдительныя и рѣшительныя доказательства той истины, которая общеизвѣстна и признана всѣми культурными народами: что въ былые ранніе періоды развитія государственной жизни мѣстный юридическій обычай является первымъ и въ началѣ даже исключительнымъ, единственнымъ источникомъ права, нежели исторія права соединенныхъ нѣкогда народовъ Швеціи и Финляндіи“. Задолго до того времени, когда были собраны въ одно цѣлое, переданы на письмѣ и санкціонированы мѣстныя уложенія, со-